

ПРЖЕМОЦКИЙ Х. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПРЖЕМОЦКИЙ Хризогон Терентьевич, родился в 1863 в Дриссе Витебской губ. В 1879 — поступил в духовную семинарию в Санкт-Петербурге, 4 мая 1886 — рукоположен. Окончил духовную семинарию со степенью магистра богословия. Викарий прихода в Минске, с 24 ноября 1888 — помощник инспектора духовной академии в Санкт-Петербурге, с августа 1889 — адъюнкт-профессор кафедры библейской археологии в академии и семинарии. С сентября 1890 — законоучитель в гимназии, реальном училище и кадетском корпусе, также инспектор и преподаватель семинарии. С сентября 1893 — викарий прихода Св. Екатерины и законоучитель в женских гимназиях, с декабря направлен служить в Новгородскую епархию. С октября 1896 — настоятель прихода в Черикове под Могилевом и декан Чериков-Чаусский, с декабря 1899 — настоятель прихода в Быхове и декан Рогачево-Быховского деканата. С 1904 — служил в храме Св. Варвары в Витебске, с 1906 — настоятель прихода в Несвиже и декан Слуцкий, с 1908 — прихода в Двинске, с 1910 — снова в Витебске, с 1914 — в приходе Омска, декан Сибирский. В июне 1921 — настоятель прихода в Смоленске, обслуживал также приходы в Брянске и Туле. 23 февраля 1922 — в Смоленске прошло изъятие ценностей в его храме, активно протестовал против акции. Выехал на служение в Рославль Смоленской области, обслуживая также приход в Орле. 29 июня 1927 — арестован «за систематическую антисоветскую агитацию».

В ноябре 1929 — его родственница Анна Шейкус просила помощи Е. П. Пешковой.

<5 ноября 1929>

«<...> С большой просьбой обращаюсь к Вам, гр<аждан>ка Уполномоченная Пешкова... Все, что мы имели, продали, и сколько моей силы было работала и содержала Его и тетюшку Его 80-летнюю, а теперь мое здоровье стало: ослабла, ноги и руки от ревматизма покрылись жевлаками, и ему трудно носить мне передачу и нечего носить, и Он стал так плох и ослаб, все время плачет. Я с ним два раза в месяц вижу. Ему никто, кроме меня, не помогает, а я теперь не в состоянии содержать их двоих и себя, уже очень плохо чувствую себя. Он просит какого-нибудь спасения, как только меня увидит, то плачет и просит, чтобы я поехала к Вам узнать о Нем, а я отказываюсь, что у меня нет ни копейки денег, чтоб я могла, то поехала к Вам и узнала о нем, то Ему легче бы было. В Рославле, где Он был, там маленький очень бедный приход, хотя бы и желали, но не могут Ему помочь, здешний Смоленский Ему не принадлежит и потому Ему не помогает. До того доходит, что мы все трое приготавливаемся к голодной смерти.

Покорнейше просим в нашей просьбе не отказать и сколько возможно, помочь нам. Когда наступит минута обмена Ему, просим успокоить Его, и есть ли какая надежда? Он все спрашивает, а каждый раз я отвечаю: ничего не знаю. Глубоко уважающая Вас А. Шейкус»¹.

И вслед этому письмо сразу же следующее письмо Е. П. Пешковой от родственницы Анны Шейкус.

<10 ноября 1929>

«<...> Простите, я была так расстроена, в тот день была у него

¹ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 5. Автограф.

и узнала, что последние вещи его украли, и теперь ничего у него нет из белья, ни летнего, ни зимнего. Шестой раз его обкрадывают. Я потом вспомнила, что не написала его имени, отчества и фамилии. Он и я покорнейше просим не отказать нам в нашей просьбе... Он очень большого роста... Был у него теплый шарф и теплые перчатки, и у него украли, и со спящего сорвали одеяло... Пишу Вам его имя, отчество и фамилию: Хризогон Терентьевич Пржемоцкий <...>².

Прошло три месяца, в феврале 1930 — в Польский Красный Крест пришло следующее отчаянное послание Анны Шейкус.

<20 февраля 1930>

«<...> Простите, что осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою от имени Хризогона Терентьевича Пржемоцкого, хотя немного по возможности прислать ему денег на передачу, потому что я видела его 17-го февраля, и вот он жаловался, что сильно ослаб, делается головокружение, и он часто падает и сбил себе колени. Просит носить что-нибудь питательного, а у меня не на что. Покорнейше прошу, не откажите мне в моей просьбе, так горько плачет, что на него нельзя смотреть: один ужас. Уже сидит 2 года и 7 месяцев и просит какого-нибудь спасения, уже исчерпаны все силы <...>»³.

26 февраля 1930 — Анны Шейкус благодарила Е. П. Пешкову за присланные деньги — 10 рублей. В марте 1930 — в Польский Красный Крест была передана копия Заявления приходской общины.

<31 марта 1930>

«В Смоленский Губернский Областной Суд

от членов Правления
Рославльского Римско-Католического
Религиозного общества

Заявление

Р<имско>-Католический священник Пржемоцкий Хризогон Терентьевич, бывший настоятель нашего прихода, 29 июня 1927 года Смоленским Губ<ернским> Судом приговорен по ст<атье> 58 на 5 лет тюремного заключения и 3 года высылке в отдален<ные> губернии. Врачебная комиссия ДПЗ дважды признала его, Пржемоцкого, не подлежащим пребыванию в доме заключения по состоянию его здоровья, и бывш<ий> Губ<ернский> Суд предлагал ему заключение заменить высылкой; но так как Пржемоцкий совершенно плохо себя чувствует, то считает неспособным ехать в дальние губернии.

В виду изложенного, и что Пржемоцкий до сего времени уже отбыл более половины срока, т<о> е<сть> 2 года 8 месяц<ев> присужденного наказания в ДПЗ, а также, принимая во внимание его старческие годы — 67 лет и полного разрушения здоровья, Община просит Губ<ернский> Обл<астной> Суд освободить Пржемоцкого из Дома закл<ючения> и выслать в г<ород> Рославль к нам, а мы обязуемся взять его на наше иждивение; если же Суд не признает уважительным дать ему полной свободы, то просим заменить хотя бы домашним арестом, каковой он отбыл бы у нас, под нашим поручительством в Рославле.

² ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 7. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 10. Автограф.

В апреле 1930 — в Польский Красный Крест пришло письмо от самого ксендза Хризогона Пржемоцкого.

<20 апреля 1930>

«<...> Я в Смоленской тюрьме пребываю два года и девять месяцев. Мое здоровье очень скверно. Я обращался к Начальнику Смоленской тюрьмы и к Прокурору, заведующему делами заключенных в Смоленске 16 сего апреля с просьбой, разрешить мне исповедоваться и причаститься, но мне в этом отказали, помимо циркуляра ВЦИКА от 8 апреля 1929 г<ода> о религиозных объединениях и разъяснения НКВД в нем от 20 октября 1929 г<ода>, где ясно говорится о праве пользоваться исповедью и причастием <...>»⁵.

Власти, очевидно, не понимали, что ксендзу Хризогону Пржемоцкому оставалось жить совсем немного, но родственница его, Анна Шейкус, понимала это со всей очевидностью и в апреле 1930 — она вновь обратилась за помощью в Польский Красный Крест.

<2 мая 1930>

«<...> Обращаюсь к Вам с моей просьбой в этом деле, чтобы заступились за меня. Содействовали, дабы он мог получить возможность причаститься Св. Тайн. Прошу покорнейше до 10-го мая 1930 г<ода> прислать это разрешение. Он так страдает и чувствует себя плохо. 11-го мая приедет к нам ксендз. Вот уже месяц, как послала письмо, просила помочь деньгами на передачу и до сих пор ничего не получила ни денег, ни письма. Не знаю, почему не помогли и не ответили.

Прошу покорнейше не отказать в моей просьбе, по возможности, помочь для Хризогона Терентьевича Пржемоцкого <...>»⁶.

«<...> Получила деньги... Хризогон Терентьевич Пржемоцкий просил похлопотать насчет исповеди. Два года и 9 месяцев сидит и чувствует себя очень плохо, слаб и ни разу за это время не исповедовался. Здесь мы хлопотали и я ходила к Начальнику, а Начальник послал меня к Прокурору, а Прокурор мне отказал. Сказал: "Он еще не умирающий..."»⁷.

13 апреля 1930 — в Польский Красный Крест пришла телеграмма от Анны :

«ПРИЧАСТИТЬ ТЯЖЕЛО БОЛЬНОГО ПРЖЕМОЦКАГО СМОЛЕНСКОЕ ГПУ ОТКАЗЫВАЕТСЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ МОСКВЫ НЕ ПОЛУЧЕНО ХОДАТАЙСТВУЙТЕ СПЕШНОМ РАСПОРЯЖЕНИИ=ШЕЙКУС»⁸.

Хлопоты Екатерины Павловны Пешковой о последней просьбе умирающего ксендза увенчались успехом, через пять дней в Смоленск пришло сообщение.

<18 апреля 1930>

«В ответ на Ваше обращение, согласно полученной справке из ОГПУ, сообщая, что дано распоряжение в Смоленское ГПУ о допущении к ксендзу Хриз<огону> Терен<тьевичу> ПРЖЕМОЦКОМУ ксендза для

⁴ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 12. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 15. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 17. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 20. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 22. Машинопись.

причастья»⁹.

22 апреля 1930 — ксендз Хризогон был приговорен к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года. Предполагалось отправить его в Соловецкий лагерь особого назначения, но резкое ухудшения его здоровья не позволяло отправить его на этап.

А мытарства Анны Шейкус не закончились: началась обычная волокита, чиновничья лень и бездушие. Все это заставляло бедную женщину бегать от одного начальника к другому, умоляя дать разрешение на причащение умирающего. Видно, должностные лица внушали простым людям такой ужас своим всемогуществом, что в своем письме Анна пишет слово "начальник" с большой буквы. В мае 1930 — она описала Е. П. Пешковой свои "хождения по мукам".

<20 мая 1930>

«Получила я от Вас бумагу 9-го мая. Ксендз к нам приехал 11-го мая. Я в тот день с этой бумагой побежала в тюрьму спрашивать, есть ли сообщение насчет Хризогона Терентьевича Пржемоцкого о причастии. Они прочитали эту бумагу, как раз в то время не было Начальника. Помощник Начальника послал меня с этой бумагой в ГПУ. Когда пришла с этой бумагой, то они взяли эту бумагу и сказали: "Нет. Придите через 5 дней". Я сказала, что 5 дней не могу ждать. Больной очень слаб, а вторых, у нас ксендз приезжий, тогда сказали: "Приходите раньше". Я к ним пошла 15-го мая и ждала с 10 час<ов> утра до 4-х час<ов> дня, и все не отвечали и просила, отдайте мне эту бумагу. Они сказали: "Она должна быть у нас". Они все искали и не нашли никакого сообщения и говорят: пока мы не получили личного сообщения из Москвы, так мы Вам не дадим разрешения на причащение.

Я была так расстроена и так сильно плакала, пришла к приезжему ксендзу и просила его помочь мне послать телеграмму. Не знаю, получили ли Вы ее 12-го мая. Ответ на нее я не имела. 5 дней в ГПУ держали эту бумагу и в конце концов отдали мне ее. Тогда я пошла в тюрьму и нашла Начальника тюрьмы и Начальник, когда прочитал эту бумагу, сейчас написал двум Прокурорам. Когда один не разрешит, то обратиться к другому. Прокурор Антонов не подписал, тогда я пошла к Прокурору Монину, который прочитал и сейчас, ни слова не говоря, подписал. Мучили целую неделю с пятницы 9-го мая до 16-го мая.

Хризогон Терентьевич Пржемоцкий причастился. Он так слаб, у него был третий сердечный припадок, теперь находится в тюремной больнице с 11-го мая. Хризогон Терентьевич Пржемоцкий сердечно благодарит за присланную бумагу и за разрешение, и я несчетное число раз благодарю, уже теперь он успокоился и готов умереть. Ждет свободы с нетерпением. С почтением А. Шейкус»¹⁰.

"Хороший" оказался начальник тюрьмы, да и прокурору Монину благодарна была несчастная женщина, — причастился все-таки ксендз Хризогон Пржемоцкий перед смертью, но какими усилиями! А ведь закон ему это гарантировал. Неудивительно, что он смерть называл свободой, но все-таки не оставлял и земных надежд. В июне 1930 — об этом писала Анна Шейкус Е. П. Пешковой.

<20 июня 1930>

⁹ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 23. Машинопись.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 25. Автограф.

«<...> Хризогон Терентьевич Пржемоцкий еще находится в больнице. Начинает немного поправляться... Ждет с нетерпением обмена и живет только надеждой <...>»¹¹.

Этой надеждой ксендз Хризогон Шейкус прожил два с лишним месяца. 10 сентября 1930 — в Польский Красный Крест пришла телеграмма.

«ПРЖЕМОЦКИЙ УМЕР СЕГОДНЯ ПОХОРОНЫ ЧЕТВЕРГ = ШЕЙКУС»¹².

Благодаря стараниям Марии Комаровской, католички восточного обряда, монахини из Абрикосовской общины, которая 10 сентября 1930 — получила свидетельство о смерти, тело ксендза Хризогона Пржемоцкого было захоронено на католическом кладбище рядом с храмом. В последнем своем письме Анна Шейкус писала, что получила деньги на похороны, но фамилия отправителя была незнакомая. Потом выяснилось, что это была все-таки знакомая ксендза Хризогона Пржемоцкого, которая хотела помочь, но боялась сделать это открыто, ведь ксендз был осужденным. Далее Анна писала, что памятник и крест поставлены, но деньги за них еще не выплачены, и просила Екатерину Павловну о последней помощи¹³.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 28. Автограф.

¹² ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 30. Машинопись.

¹³ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М.: «Серебряные Нити», 2000. С. 136.